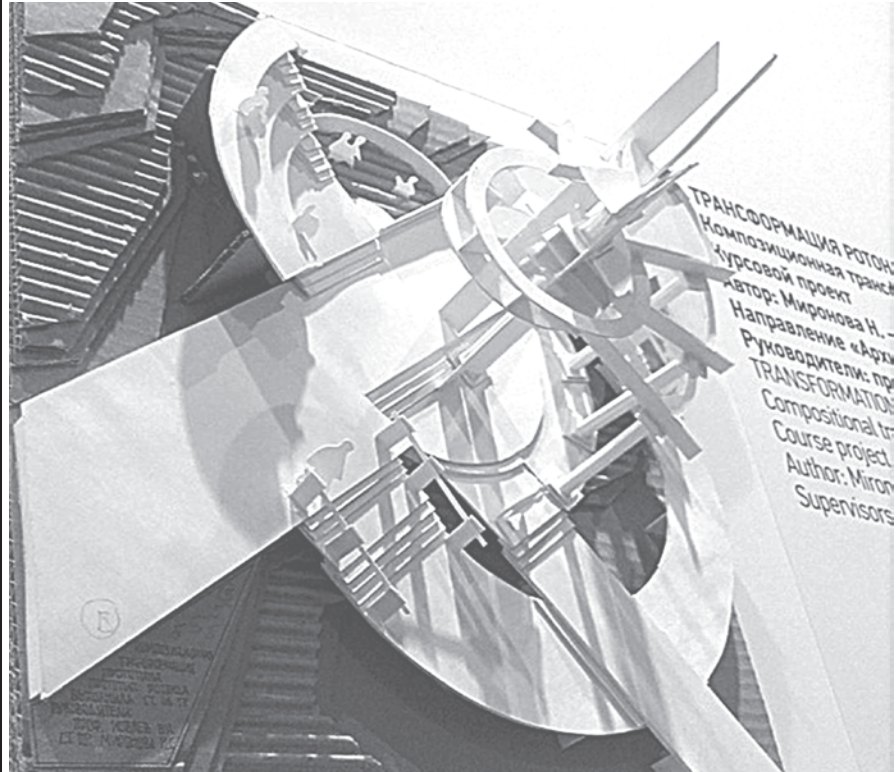

"Через четыре года здесь будет город-сад!"
Владимир МАЯКОВСКИЙ

ПЕРВАЯ МЫСЛЬ, возникающая при созерцании этой замечательной выставки: "Где-то я это уже видела". Или читала о таком. Ходила рядом. Как-то отрывки из прессы и едва ли не детские воспоминания. Впрочем, тут мало о главном прошлом — все говорит о светлом и добром Послезавтра. Итак, Музей архитектуры имени А.В. Цусева представляет международный проект: "Общественная архитектура — будущее Европы". Здесь — Италия, Скандинавия, Германия и, конечно же, Россия. Почему же футуристические задумки молодых зодчих напоминают о вещах и событиях многолетней давности? Не только из-за вечной тревобанности супрематистов или, допустим, Ивана Леонидова за рубежом, где русский авангард изучен гораздо тщательнее, чем в современной России. К сожалению.

В Советском Союзе — не только в 1920-е годы, но и в 1960-х–1970-х — постоянно рождались планы по архитектурно-эстетическому освоению территорий: как уже застроенных, так и вообще непригодных для комфортного проживания. Другое дело, что чаще побеждали не малышки-очкарики с горящими глазами, а скучные дядьки, полагавшие, что главное — это смета и ровненькая отчётность, а народец будет рад и стандартным клеткам на пресловутой Третьей улице Строителей из новогодней комедии. Тем не менее, что-то удавалось воплотить в жизнь. Какие-то рисунки и схемы попадали в специализированную прессу и журнал "Техника — молодёжи". Столь модные сегодня эко-поселения — тоже "ремейк" советских разработок 1980-х годов, когда

да в СССР активно занимались экологической проблематикой. Не случайно выставка открывается инсталляцией, посвящённой студии общественного и промышленного дизайна "Сенеж", основанной в 1964 году в доме творчества, принадлежавшем Союзу Художников. У нас об этом говорили ещё ребята "шестидесятники", безо всяких 3D и компьютерной графики. Кузьман и ватман. Студия "Сенеж" открывала небывалые типы общественных пространств, делая их одновременно и яркими, и не мешающими городской жизни. Не торчащими посреди исторической застройки этаками вставными зубьями и не уродующими красивый природный вид. Совме-

вычерчивал путь на много лет вперёд. Даже противное хипстерское слово "коворкинг" ("коворкинг") — это всего лишь подход к организации труда людей с разной занятостью в одном помещении, что практиковалось, например, в постреволлюционном БХУТЕМАСе.

Ещё одна "точка сборки" — отказ человечества от индивидуализма в пользу того самого coworking-a, совместности, коллективных действ и празднеств. На мониторах — фильм об уникальном опыте coiving, напоминающем коммуна 1920-х годов. Люди, добровольно объединившиеся в некую систему, дружно воспитывают детей и кучно проводят свой досуг. Причина? Уста-

не секрет, что городская стихия — агрессивная и пыльно-бензиновая, а экология — один из краеугольных психозов современного среднестатистического европейца. Иной раз это превращается в кликушескую истерию в духе Греты Тунберг, а люди здравые пытаются примирить жителя метрополиса и мать-природу. Великолепная 3D-панорама и — макет от Laboratory for Visionary Architecture (LAVA) — дивный экспонат. Австро-немецкая фирма вдохновляется растительно-естественными линиями: стволами деревьев или же потоками рек. Всё способно вызвать ассоциацию — пчелиные соты в декоре потолка, ветви, капли воды. При этом,

здание выглядит вполне лаконичным и строгим. Проекту LAVA отвечает маленький залык и выдаются 3D-очки для полноценного "вторжения" в странный и — безусловно-футуристический дом-планету. Будто люди решили перенести память о Земле в чужие миры.

Неординарный случай — Венеция, музей под открытым небом ещё с XVIII столетия, когда "сказку на воде" приняли обоживать богатые англичане. Мы редко задумываемся о том, что в 300-тысячной Венеции есть коренные жители, и у них существует, помимо развлечения миллионных туристических масс, множество других дел. Компания Oblo Architeti (Италия) занялась беспрецедентной борьбой за сохранение и приумножение зелёных насаждений в сложившейся структуре. Знаменитые венецианские сады — это чудесно, а вот местному населению хочется иметь свой улок. Oblo Architeti предложила выделить участки для того, чтобы простой венецианец мог посадить своё, персональное дерево. Участки в Италии — баснословно дорогие, неотчуждаемые, свято хранимые, поэтому замысел Oblo Architeti сродни лёгкому безумию.

Пряотно удивили болгары, трепетно и ревниво относящиеся к своей истории, — даже если это не их этническая тематика. На территории Болгарии каждый год раскапывают свидетельства римского присутствия: легионы прокладывали свои дороги и строили поселения. На Площади Независимости в Софии возведены прозрачные купола — заглянув туда, можно увидеть римские артефакты, найденные тут в ходе археологических подвигов. Высокотехнологичное стекло и римская вечность — вот смысл этого сооружения. Правда, есть нюанс — творцами являются господа из австрийской фирмы Baar-Baarenfels Architects, лишь при участии болгарских авторов.

Презантно поступили жители города Подтеода с одним из дворцов короля Фридриха Великого. Галантный и воинственный тевонец спроектировал сие украшение после Семилетней войны, где

Выставка в Музее архитектуры

Россию представляет Уральский государственный архитектурно-художественный университет, с его разработками, опирающимися на русский авангард. Всё новое — это крепко забытое старое? Однако 1920-е смотрели на сто лет вперёд, поэтому прорывно выглядят детские площадки с наёмками на эскизы Малевича и на пространственные композиции братьев Весниных. Громадный стенд посвящён уральским изысканиям в области креативного городского благоустройства — молодёжь с рвением осваивает футурумечты конструктористов, сверяя свой творческий пульс с общемировыми трендами.

Помимо городской темы, присутствуют и мотивы ускоренной модернизации сельхозпоселений. Эта проблема успешно разрешается в Германии, где, вопервых, никто не отказывается от статусы-высокоразвитой аграрной державы, а во-вторых, делается всё, чтобы стереть грань между городом и деревней — в плане социальных и инфраструктурных благ. Опять же, припоминаются грёзы 1920-х, когда планировалось обращение деревушек в передовые агрогородки.

Вся экспозиция, так или иначе, сводится к преодолению страха перед общи- ной и — общительностью. Индивидуализм, сыгравший ведущую роль в становлении цивилизации XVIII–XX веков, начинает отступать. Герой-одиночка делается беспомощен. И — скучен. "Единица — вздор, единица — ноль", — писал Владимир Маяковский в те годы, когда коллективность насаждалась лозунгами и силовым давлением. Сейчас — по велению души. Хотя, не совсем. Нас подгоняет безукоризненная "прозрачность" виртуально-интернетного мира. Мы, на виду, и — "наедине со всеми". Тут нет идеологии — только встраивание в существующий ритм. То, что пестовалось в СССР, нынче обретает зримые контуры — но уже с другой символической и риторикой. У меня двое-е впечатление. Грядёт Утопия или Антиутопия? Поживём — досмотрим.

Галина ИВАНКИНА

ОДОЛЕНИЕ СМЕРТИ

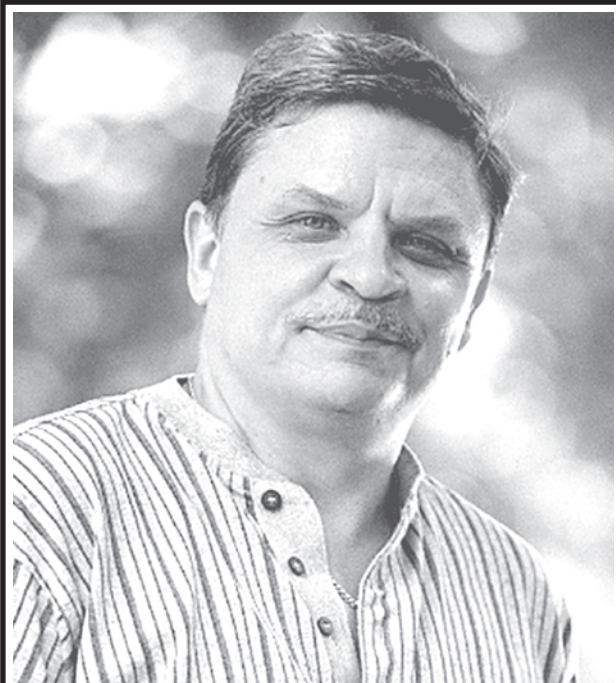
Русские сказки и евразийская Мечта

ИСТОРИЮ русской словесности можно выстроить по-разному. Можно сосредоточиться на писательских биографиях, или на авторской эстетике, или на своеобразии художественного языка. И у каждой из выстроенных историй будут свои особенности. Но традиционные литературоведческие методы отступают, когда речь заходит о русской народной сказке. Говорить о биографии автора здесь невозможно. Тексто-логия бессильна, потому что сказка, записанная даже самым искусным собирателем, утрачивает свою живую "иззунную" природу. Рассуждения об эстетике неуместны, ведь эстетика — это взаимоотношения искусства и действительности, а сказка не знает такого деления; для неё всё — естество. Единственное, через что можно увидеть сказку во всей её полноте, — мечта. Мечта — это знание о неизвестном, переживание ещё не случившегося, прозрение невидимого. И только сказка нашла слово для мечты.

Мечта и сказка — ровесницы. Сказка родилась, когда ещё не было исторического времени и географического пространства, оттого ей тесно в конкретной национальной культуре. Её пространство — простор, на котором встречаются разнородные традиции, мифологии, языки и образы. Русской сказке мал славянский мир, мал мир Запада и Востока. Пространство русской сказки — Евразия. Удивительно, что представители классического евразийства никогда основательно не обращались к сказке, не писали о ней монографических исследований, не искали в ней опоры для своих теорий, тогда как наши знаменитые фольклористы так или иначе указывали на её евразийскую природу, хоть и не использовали термина "Евразия". Так, А.Н. Афанасьев объяснял сходство сказок разных народов общим истоком. "Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводит к двум заключениям: во-первых, что сказки создались на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу, и во-вторых, что, по всему вероятно, уже в эту давнюю арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса и потом разнесены разделившимися племенами в разные стороны — на места их новых поселений, сохранены же народною памятью — как и все поверья, обряды и мифические представления", — писал он. Народы расподобились в языке, религии, ментальности, их разлучили катаклизмы, ожесточили войны, и только сказка сохранила для них общие смыслы, общую мечту. Русская сказка — это сакральный код. Код доступа к общеевразийской мечте. Главное, о чём мечтают все народы Евразии, — одоление смерти. Эту мечту через сказку унаследовала и русская литература. Она тоже презит о торжестве жизни, а потому всегда стремится быть сопричастна сказке: через образ, сюжет, мотив, через переложение или бережную литературную запись.

Завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон: чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там, что Бог даст!". Полнокровная жизнь и обретение в ней свободы от смерти — вот цивилизационная мечта Евразии в противовес западной мечте о выживании любой ценой: даже через поедание падали, насыщение трупным ядом, даже через жизнь в умирании, в фаустовском "Остановись, мгновенье!". "Аленький цветочек" — сказка, которую С.Т. Аксаков изложил живой речью ключницы Пелагеи в "Детских годах Богрова-внука". Большинство, к сожалению, знает эту сказку по экранизациям и постановкам. А между тем, в ней нет ни одного второстепенного эпизода, ни одного случайного слова. Например, в начале сказки одна дочь просит отца привезти подарок с Запада ("золотой венец из камениев самоцветных"), другая — с Востока ("тувалет из хрусталю"). И только меньшая просит аленький цветочек, что растёт в неведомой стороне, куда не дойти земными путями. Тропа в царство аленького цветочка узка, за спиной идущего по ней сгущается тьма. Аленький цветочек — последний источник света для мира, утонувшего во мраке. Последнее упование на жизнь перед надвигающейся смертью. Аленький цветочек — это драгоценная капля крови, которую ты готов отдать близкому. Аленький цветочек — это одоление смерти любовью, милосердием и самопожертвованием. "Дикое поле" — своеобразная повесть-сказка Алексея Саморядова, больше известная по экранизации. В малоподную деревню, где-то в бескрайней степи, на стыке Европы и Азии, приезжает молодой врач. К нему привозят смертельно больных и тяжёлых раненых. У врача нет ни лекарств, ни условий, ни помощников, но все пациенты чудом, вопреки естественным законам, выживают. "Здесь можно жить вечно. Здесь не умирают люди", — говорит своей любимой главный герой. Смерть боится приближаться к дикому полю, поскольку там не знают времени, не ведают ни начала, ни конца. Смерть оказывается бессильна перед тем, кто не верит в неё, кто сохранил упование на вечную жизнь. Евразийская мечта о поруганной смерти важна сегодня как никогда. В нашей жизни всё меньше остаётся места русской сказке. Она ушла вместе с русской деревней, где когда-то были сказительницы. В учебниках для начальной школы русскую сказку потеснили зарубежные "фэнтези" и переводные стихи. У нас уже выросло целое "поколение планшета", поколение, которому ни бабушки, ни мамы не рассказывали сказок. А вместе со сказкой исчезает мечта о жизни, жажда жизни. Без сказки одолевает жажда смерти, упоение смертью, мечта о смерти. Суицидные группы в интернете весьма условно называют подростковыми. В них попадают и те, кто ещё младенцами угодили в социальные сети. Там выполнили аленькие цветочки и насладились цветом зла. Там в беззачитные сердца впрыснули яд уныния, отчаяния, равнодушия. Русская сказка, с её евразийской мечтой, — это щит над сердцем, это спасительный антидот, "живая вода", которой ещё не поздно спасти многих. Русская сказка однажды вернётся к каждому, чтобы вновь пробудить мечту о поправке смерти.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Время — необратимо и невозвратимо. Нельзя вернуться на тридцать лет назад, в конце 80-х — начало 90-х, когда ещё были живы и Александр Бардодим, и Константин Григорьев, "куртуазные маньеристы" ещё не входили (или только входили?) в историю отечественной литературы, а в "общаге" Литинститута друзья-завистники-событийники за спиной называли их "виртуозными карьеристами"... То, что выглядело тогда молодой эскападой, теперь покрывается почти классической патиной, а создатели той эскапады — сединами и, увы, кое-кто, как отмечено выше, — уже могильными плитами. Но Великий Приор давно разбитого вдребезги Ордена, кажется, знает секрет, как вернуться в то время, — просто не уходить из него. И стихи, которые он пишет сегодня, — по-прежнему чуть ли не каждый день! — наполнены тем же острым сарказмом, разбавленным лёгкой меланхолией, той же "странной улыбкой своей" (тут важно слово "своей", то есть — ни у кого не заимствованной), что и тридцать, и, наверное, сорок лет назад. Время — необратимо и невозвратимо. Возможно, потому, что его, времени, на самом деле нет. Некоторые поэты постигают эту великую истину, только уходя в Вечность. Поэту Андрею Добрынину, похоже, она была известна всегда.

Андрей ДОБРЫНИН

«СО СТРАННОЙ УЛЫБКОЙ СВОЕЙ...»

Из новых стихов

* * *

Мы кашлять начинаем помаленьку,
А дальше будет эмфизема лёгких —
Всё потому, что книги собираем:
От непонятных и до самых лёгких.

А дальше из квартир выносят трупы —
Ведь книги беспощадны к человеку.
Наследники врываюся в квартиру —
И сразу же громят библиотеку.

Взамен столы стеклянные заносят,
И телевизоры, и нечто вроде
Картин, у коих нету соответствий
В убогой окружающей природе.

Комбайн посудомоечный заносят
И запускают языку левретку,
И начинают жить на всю катушку —
Назло погибшему от чтестья предку.

Но по утрам бывает как-то пусто —
Дождь за окном, жену толмист зевота,
Левретка и прислува пахнут псиной,
И очень хочется убить кого-то...

* * *

Зачем ты в эту жизнь вонзился,
Скажи мне, глупый человек!
Ведь ты до этого носился
По небесам в пространстве нег.

Зачем ты обзавёлся плотью,
Себя материей облек?
Мне очень жаль, что не Господь я,
Не яростный пастуший Бог.

Тогда из плоти недостойной
Я душу вырвал бы скорей,
А плоть швырнул бы в бак помойный —
Пусть роятся мигранты в ней.

Душа вспорхнула бы из праха,
Взлетела над улюбью зла
И молила, дрожа от страха:
"Прости — я, кажется, спала..."

«БАЛЬЗАМ БУГУЛЬМА»

Пили водку и горькое пиво,
Постепенно сохли с ума,
Но потом снизошло просветленье
Под названием "Бальзам БУГУЛЬМА".

* * *

В кустах я сидел накануне,
В бутылку будел, как в беду,
И вновь от него, как вперые,
Кружится моя голова.

Сегодня другие запросы
Ведут меня в жизненный бой,
Но хочется понаблюдать мне
За тем, за вчерашним собой.

Ушёл тот нетрезвый мужчина,
Куда-то ушёл навсегда;
Ношу я такое же имя,
Но я ведь — не он, господа!

Такое открытые делал
Я в жизни не раз и не два,
И вновь от него, как вперые,
Кружится моя голова.

Сегодня другие запросы
Ведут меня в жизненный бой,
Но хочется понаблюдать мне
За тем, за вчерашним собой.

В глушь парка забрёл он, должно быть,
Запутался там среди ветвей
И смотрит на свежие листья
Со странной улыбкой своей.

Валерий НОВИКОВ. Вячеслав ШТЫ-РОВ. Курилы и... не только. — М.: Книжный мир, ИП Лобанова О.В., 2019. — 312 с.

ПЕРЕД ВАМИ — не книга, написанная в соавторстве, как можно было бы подумать, глядя на обложку, а две книги двух авторов, только изданные одним блоком и посвящённые общей теме: исторической и политической судьбе Курильских островов.

Сегодня, как уже не раз бывало, эта тема на время вышла из фокуса внимания российского общества, поскольку всем стало ясно, что пока Путин в Кремле, никто японцам Южные Курилы не сдал и не сдаст. Но это вовсе не значит, что Страна восходящего солнца в обозримом будущем откажется от требований вернуть ей Итуруп, Кунашир, Шикотан и острова Хабомаи, которые называют своими "северными территориями", якобы незаконно удержанными после Второй мировой войны начала СССР, а теперь — Россией. Это — "идея-фикс" всей современной Японии, от ультранационалистов до коммунистов, поскольку требования возврата "северных территорий" — пока единственный легальный и безопасный путь проявления всех комплексов, связанных с капитуляцией 3 сентября 1945 года. Японцам неудобно помнить, что нанесённые удары по городам Хиросиме и Нагасаки, чьи военные базы стоят на Окинаве, что остановил рост японской экономики, заставив Токио в 1985 году принять "соглашение Plaza", — как раз под обещания горьчайшей "перестройки" и развала СССР, с обязательным "возвращением" Южных Курил японскому правосудию.

Зато без конца можно бить в барабаны русофобии — это Америка одобряет! Зато все попытки японцев хоть как-то выйти из-под контроля Дяди Сэма пресекаются на корню. В общем, налицо те же методы психологической войны, которые способствовали возникновению "избирательного антрусского национализма" и в бывших республиках СССР, включая нынешнюю "евромайданную" Украину. Чего уж тут удивляться японцев? Или позиции некоторых наших соотечественников, с разной аргументацией до сих пор выступающих за удовлетворение японских требований о "возврате" Южных Курил?

Казалось бы, где Итуруп с Кунаширом, а где — полуостров Крым, который и был-то собственно "украинским" только неполные 23 года, с 1991-го по 2014-й? А вот, лодж ж ты: те, кто считают Крым украинским, одновременно считают и Южные Курилы — японскими "северными территориями". Во всяком случае, лично мне исключения из этой эмпирически установленной закономерности пока неизвестны.

И дело здесь — не в каких-то объективных аргументах, а в цепях. Когда по итогам русско-японской войны 1904–1905 гг. шли переговоры о мире, глава японской делегации, министр иностранных дел Дзюкитаро Комура заявил: "Война пережёвывала все договоры. Вы потеряли поражение, и давайте исходить из сложившейся обстановки". А в текст приложений к Портсмутскому мирному договору по настоянию японской стороны было включено условие о том, что все прежние договоры Японии с Россией аннулируются.

Если применять этот "принцип Комуры" к нынешней ситуации в российско-японских отношениях, то будет понятно, что ни о каком "возврате" России Южных Курил и речи быть не может: такова "сложившаяся обстановка" после 1945 года.

Да и не решает сам по себе вопрос "северных территорий" никаких реальных проблем Японии, государства с населением, почти равным населению современной России, но живущим на территории, почти равной территории современной Англии. Для Токио, как уже отмечено выше, это вопрос национального самосознания и хотя бы иллюзорного преодоления "комплексса поражения". Как предполагают "по умолчанию" сами японцы, за этим должны последовать дальнейшие шаги, направленные на восстановление имперского величия их страны. А как далеко может зайти по этому пути Ниппон, показала история Второй мировой войны. Повторения которой на Тихом океане не жаждут и сами американцы, которые 75 лет назад справились с этой проблемой только при помощи Сталина, а не атомных бомб, как они сейчас говорят.

Бывший президент Республики Саха-Якутия, постоянный член Избирского клуба Вячеслав Штыров и историк Валерий Новиков в этой книге раскрывают эту дилемму на богатейшем фактическом материале как современности, так и событий прошлого.

Наша история — это наша география. И Южные Курилы являются неотъемлемой частью отечественной истории, а значит — и отечественной географии. В Токио пока не хотят или не могут этого понять.

Скорее даже — не хотят, чем не могут.

Одним из составляющих японского "экономического чуда" 50-х — 60-х годов XX века было внедрение советских методов организации производственных процессов, которые дали потрясающий результат, сделали Страну восходящего солнца второй экономикой мира. И это лишний раз доказывает, что дело — не в тех или иных территориальных приобретениях, а в создании взаимовыгодных условий сотрудничества и развития. К чему постоянно призывает Японию российская сторона. Не только политическими заявлениями, но и такими изданиями, как книга Вячеслава Штырова и Валерия Новикова.

Георгий СУДОВЦЕВ

Яков СЕМЁНОВ "Жизнь без черновика. Воспоминания полковника КГБ СССР". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Иван ЧИГИРИН "Сталин. Болезни и смерть. Документы". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Джунельто КьЕЗА. "Цунцунг для человечества", публицистика. Справки по телефону 8 (985) 256-91-24